

Х.Х. Лукманов., А.С. Иликаев

О СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ОДНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Предыстория вопроса. Еще с середины XX века гоминдановский режим на Тайване использовал термин «суверенная демократия» для описания существующей на острове политической системы. Данный термин должен был, по мысли тайваньских правителей, подчеркнуть, с одной стороны, суверенитет Тайваня, его независимость от центрального китайского правительства, а с другой стороны, демократический, многопартийный характер устройства тайваньской политической системы, в противоположность континентальному Китаю, жёстко управляемому коммунистической партией¹.

В 1994 году государственный секретарь США У. Кристофер впервые употребил термин *sovereign democracies* применительно к выпавшим из сферы советского влияния странам. В 2004 году председатель Европейской Комиссии Р. Проди назвал Европейский союз «федерацией суверенных демократий», имея в виду, что государства Европы, сближаясь и превращаясь в реальную федерацию, вместе с тем остаются суверенными демократическими субъектами международного права. Два года спустя на конференции в Вильнюсе вице-президент США Д. Чейни заявил, что предвидит на постсоветском пространстве «сообщество суверенных демократий». Данный термин получил статус программного в речи заместителя руководителя президентской администрации В. Суркова перед партийным активом «Единой России» 22 февраля 2006 года.

Нынешний президент России Д. Медведев одним из первых отозвался на тезисы В. Суркова.

По его мнению, несмотря на остро дискуссионный характер озвученной доктрины, суверенная демократия может быть определена как «демократия плюс жесткий государственный суверенитет»². Тем не менее, на протяжении 2006 — начала 2008 годов, пока сохранялась интрига с выборами, в политическом истеблишменте шли упорные дискуссии на тему суверенной демократии, писались книги, статьи.

В декабре 2007 года в газете «Политика» появилось сообщение о создании научно-исследовательского «Центра суверенной демократии»³. В 2008 году ЦСУ, если верить размещенной на сайте информации, была издана монография В. Лебедева и В. Киреева «Суверенная демократия как конституционная идея современной России».

В 2007 году издательство «Европа» выпустило сборник публицистических статей «PRO суверенную демократию» под редакцией Л. Полякова. Ради справедливости надо сказать, что в сборнике нашлось место не только одной точке зрения. В издании присутствуют острокритические статьи Л. Радзиховского «Единая российская элита», С. Батчикова «Содом и Гоморра» и других, более чем пятидесяти, авторов.

Одной из последних серьезных работ на тему суверенной демократии, не считая Интернет-публикаций, стала статья Я. Пляйса⁴.

В конце сентября минувшего года в «Независимой газете» прозвучало заявление советника Президентского Института современного развития Н. Масленникова о том, что «время суверенной демократии прошло». На смену последней должна придти состязательная⁵.

¹ Выдержка из «Ежегодника Республики Китай (Тайвань) за 2008 год»: «Руководящим принципом политики Тайваня в отношении Китая является обеспечение мира и стабильности в районе Тайваньского пролива. Эта политика основывается на сохранении национального статус-кво как суверенной демократии и соблюдении права 23-миллионного тайваньского народа самостоятельно определять свое будущее». (Курсив наш. — Х.Х., И.А.). <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/07taiwan-china%20relations.html> — 16.01.10.

² Медведев Д. Для процветания всех надо учитывать интересы каждого / Про суверенную демократию: Сборник / сост. Поляков Д.В. — М.: Издательство «Европа», 2007. — С. 217. (Далее — СД).

³ Бочкарева С., Румянцев Ф. НИИ Суверенной демократии. // Политика. — 2007. — 10 декабря.

⁴ Пляйс Я. «Суверенная демократия» — новый концепт партии власти. // Власть. — 2008. — №4. — С. 24-32.

⁵ Билевская Э., Самарина А. Суверенную демократию заменят состязательной. // Независимая газета. — 2009. — 30 сентября.

В настоящее время термин «суверенная демократия» используется наравне с другими политико-правовыми понятиями, хотя, надо признать, реже, чем прежде. Важно заметить, что концепция суверенной демократии никогда не выступала в качестве официальной доктрины. Тезисы В. Суркова не вошли в президентское послание В. Путина, которое, как пояснил тогдашний глава государства, было переписано после подготовки текста администрацией¹.

Сам конструкт «суверенная демократия» — сложный по структуре. По меньшей мере, он включает в себя понятия «демократия» и «суверенитет», а также комплекс промежуточных определений: «суверенитет народа», «суверенитет государства». В свою очередь, термин суверенитет может пониматься двояко, как суверенитет внешний (в сношениях с другими государствами) и суверенитет внутренний (в отношении собственных граждан). Не углубляясь в анализ данных понятий в отдельности, сосредоточимся на разборе общего термина.

Согласно определению В. Суркова, суверенная демократия — это «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»². Другое определение «суверенной демократии» дает ведущий аналитик движения «Наши» — В. Трофимов, определяющий «суверенную демократию» как одну из форм «нелиберальной эгалитарной демократии, где политическая, экономическая и общественная свобода отдельного человека ограничивается интересами общества, прежде всего, сохранением государственного суверенитета»³.

В. Иванов, посвятивший суверенной демократии десятки статей и колонок, предложил в том числе такое ее толкование: «суверенной демократией можно назвать и политический режим, и применяемую режимом политическую

технологию. С технологической точки зрения суверенная демократия предполагает самостоятельный отбор демократических институтов, их форматов, сроков внедрения и реформирования и т.д. Суверенно-демократический тот режим, который, развивая демократию, одновременно отстаивает собственную самостоятельность и, соответственно, самостоятельность государства настолько, насколько это целесообразно и возможно в современном мире. В. Сурков противопоставляет суверенную демократию управляемой демократии. И это логично, если рассматривать управляемую демократию как практикуемую западными государствами технологию решения конкретных политических, экономических и прочих задач посредством «демократизации» — внедрения или прямого навязывания определенного набора западных институтов. Управляемой демократией также можно называть политический режим в стране, успешно подвергнутой «демократизации»⁴.

М. Мошкин отождествил суверенную демократию с органической (в интерпретации «евразийца» А. Дугина и консервативного французского философа А. Бенуа)⁵. Согласно «евразийской» точке зрения, она представляет собой «политический режим, который основывается на признании народа единой органической общностью, спаянной собственной культурно-исторической традицией, находящейся в основании политической системы и служащей критерием принятия конституционных решений»⁶.

Что касается англоязычных определений суверенной демократии, то они, как и в случае с элементом государственно-правовой концепции Тайваня, не являются определениями в собственном смысле этого слова. Достаточно обратиться к интересующим нас текстам выступлений Р. Проди и Д. Чейни.

Р. Проди буквально утверждает следующее: «возможно, Кант был бы рад увидеть то, что мы создали в Европейском Союзе — разновидность

¹ Становая Т. Владислав Сурков презентовал «суверенную демократию». <http://www.politcom.ru/article.php?id=2999> — 03.12.09.

² Сурков В. Национализация будущего. // СД. — С. 394.

³ Суверенная демократия. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/150238> — 26.02.10.

⁴ Там же.

⁵ Мошкин М. Суверенная демократия для Большого пространства. Сайт Международного евразийского движения (материал от 10.11.06). <http://www.evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=3361> — 10.01.10.

⁶ Иликаев А.С. Теоретико-методологические основы изучения органической демократии: Препринт. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — С. 3.

наднациональной демократии Союза *суверенных государств-соучастников*. В некоторых смыслах наш Союз сохраняет сущность кантовской *федерации суверенных демократий*. (Курсив наш. — Х.Х., И.А.)¹. А вот фрагмент вильнюсской речи Д. Чейни: «сегодня мы можем сказать — есть *общества суверенной демократии*, которые отказываются от старых обид, которые чтят объединяющие нас многочисленные культурные и исторические связи, которые свободно торгуют, уважают друг друга как великие нации и стремятся вместе войти в век мира». (Курсив наш. — Х.Х., И.А.)². Ясно, что во всех трех случаях дело идет об уточнении внешнеполитического статуса тех государств, в отношении которых могут существовать более или менее объективные основания.

Русскоязычные определения демократии апеллируют, прежде всего, к праву государства осуществлять внутреннюю политику в соответствии с принятыми в данном обществе историческими традициями. Интересно, что при всем внешнем различии между позициями В. Суркова, В. Иванова и М. Мошкина, они, в общем-то, вписываются в концепцию правового государства. В то же время, определение В. Трофимова покушается на права и свободы граждан, ограничивая их «сохранением государственного суверенитета».

По мнению Д. Медведева, англоязычный термин *sovereign democracies* значит не суверенный в привычном для нас смысле, а государственный или национальный. Что касается демократии и суверенитета самих по себе, то они лежат в разных плоскостях. Суверенитет есть верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость в сношениях с другими государствами. Важно отметить, что эти качественные категории менее важны, чем такая фундаментальная вещь, определяющая тип политического режима, как демократия³.

Известно классическое определение суверенитета, данного французским юристом Ж. Боденом: «суверенитет — это абсолютная и

постоянная власть государства... Абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными»⁴. Очевидно, что суверенным может быть не только демократическое, но и тоталитарное государство.

Таким образом, доктрина суверенной демократии оказывается остро дискуссионной с чисто юридической точки зрения.

Определение В. Иванова представляется более разработанным, но и оно не свободно от серьезных противоречий. Прежде всего, в нем отсутствует понятие «народ». Получается, что суверенная демократия означает право любого политического режима, в том числе тоталитарного или авторитарного, самостоятельно определять в каких формах, в какие сроки народ получает право реализовывать свою власть. Однако, еще со времен Ж.-Ж. Руссо утвердилась мысль о несовместимости с демократическим постулатом суверенитета народа того механизма, который ограничивает абсолютный суверенитет и всеобщее право решений. Отдавая предпочтение демократическому большинству (суверену), Ж.-Ж. Руссо ставит его волю выше права. Мнение большинства граждан, обладающих правом голоса и участвующих в принятии решений, касается всех сфер общественной жизни⁵.

Было бы несправедливым видеть в доктрине В. Суркова и его многочисленных последователей лишь одну идеологическую подоплеку. То, что она, пусть ненадолго, вызвала бурную, полезную общественно-политическую полемику, заставляет внимательнее отнестись к ее отдельным аспектам.

Прежде всего, совершенно правильно утверждение М. Соколова, что суверенитет является динамической категорией. Нельзя представлять его подобием недвижимого имущества. Оставленный без постоянной поддержки, он может уменьшаться до фактического нуля⁶. Гораздо менее убедительным нам кажется мнение М. Рогожникова о том, что суверенная демократия меньше всего определяет внутренние

¹ President Prodi's Speech on «Europe and peace» at the University of Ulster. April 1, 2004. European Union & United Nation. http://europa-eu-un.org/articles/fr/article_3372_fr.htm — 12.01.10.

² Ibid.

³ Медведев Д. Для процветания всех надо учитывать интересы каждого / СД. - С. 218.

⁴ Боден Ж. Шесть книг о республике (государства) // Антология мировой правовой мысли. - М., 1999. - Т. 2. - С. 692.

⁵ Иликаев А.С. Указ. соч. - С. 3.

⁶ Соколов М. Суверенитет и свобода. / СД. - С. 18.

особенности политического режима. В таком случае, пропадает смысл существования второй части определения. Правда, буквально в следующей фразе автор делает оговорку, что речь идет о целостной характеристике феномена суверенной демократии¹. Однако высказанное замечание не кажется нам случайным. Очевидно, что внешний аспект в рассматриваемой доктрине занимает явно главенствующее положение.

Непонимание сути демократии как исключительно внутреннего явления особенно ярко проявляется в статье В. Иванова. Автор утверждает, что в России не существует никакого давления Кремля на оппозицию. Не располагая очевидными фактами (к примеру, сложением двух-трехпартийной системы, появлением конкурентных выборов, снижением административного давления и т.п.) автор глубокомысленно рассуждает о смене «форматов»². Однако, что это за «форматы» и что дает их увеличение, так и остается неясным.

Рассуждения В. Иванова вскрывают наиболее слабые места рассматриваемой доктрины. Прежде всего,стораживает не критичное отношение ее сторонников к анализу наличной ситуации в России. Стремление исходить из эмоционально окрашенных описаний и личных ощущений, а не из фактов, неотчетливое разделение субъекта и объекта (народ/государство и власть/независимость), характерны, в общем-то, для норм обычного права, а не для современной юридической доктрины.

Нельзя не согласиться с С. Батчиковым, который указывает на то, что в реальности, в 90-х годах прошлого века, власть не отступала, а «везде наступала, причем агрессивно»³. Особое нарекание у автора вызывает триада ценностей «достаток, свобода, справедливость». Подобный «материализм» кажется подозрительным даже ярому стороннику суверенной демократии М. Юрьеву. Однако он тут же спешит сделать важную оговорку о том, что народ сам отказался от Империи. В качестве доказательства этого тезиса М. Юрьев

приводит факт неприятия всего отечественного в конце 80-х - начале 90-х годов: культ западного ширпотреба, полумиллионные митинги демократической оппозиции с явно непатриотическими лозунгами, моду на браки с иностранцами, название рубля «деревянным» и т.д.⁴ Это, конечно, все правильно, но получается, что один из краеугольных камней «суверенной демократии» - эмоциональная реакция со знаком минус.

С правовой точки зрения, подобное нормотворчество неприемлемо. Это все равно, что в целях устрашения преступников пытаться ввести публичное исполнение смертной казни⁵. Конечно, недостаток сам по себе не плох, но ставить его во главе ценностной триады, на наш взгляд, не совсем оправданно.

Теперь что касается внутривластной борьбы. Совершенно прав Л. Радзиховский, говоря, что ни о каких серьезных соперниках «Единой России» речь не идет⁶. Имевшая место во времена оны интрига с самостоятельным существованием «Единства» и «Отечества», как равно и неудавшееся разделение «Единой России» на две фракции, благополучно канули в Лету. КПРФ, о чем, кстати, благополучно забыл упомянуть В. Иванов, при всех ее атрибутах реально оппозиционной партии, не является конкурентом нынешней исполнительной власти. Во-первых, она не имеет серьезного влияния ни в Государственной Думе, ни в Правительстве. Во-вторых, и это, пожалуй, куда серьезнее, ее идеология по сути своей разрушена и дискредитирована (ссылки на опыт НЭПа, экономические успехи сталинского СССР и Китая имеют, скорее, обратную доказательную силу, поскольку во всех этих случаях имел место постепенный отход от первоначальной чистоты учения, и все более сближение с националистическими и либеральными доктринами).

Исходя из означенных положений, обвинения по поводу двойных стандартов снимаются сами собой. То, что западные правительства используют политические кризисы в постсоветских странах в корыстных

¹ Рогожников М. Что такое суверенная демократия / Указ. Ист. - С. 27.

² Иванов В. «Демократия - это вам не лобби кушать» / СД. - С. 70-71.

³ Батчиков С. Содом и Гоморра. / СД. - С. 112.

⁴ Юрьев М. Две логики в российской политике. / СД. - С. 157-158.

⁵ Лукманов Х.Х., Мальцева Л.Л. Смертная казнь в правовом государстве. / Правовое государство. - № 2 (4) 2006. - С. 18.

⁶ Радзиховский Л. Единая российская элита. / СД. - С. 75.

целях, ни для кого не является секретом. Однако было бы в высшей степени наивно думать, что такое положение возникает исключительно из-за патологической ненависти к России. Это уже теория заговора. Скорее речь идет о том, что имеющийся в обществе, но не находящий адекватного выхода, в виде деятельности внутренней оппозиции, протест как бы подхватывается, приватизируется внешними силами.

По мнению П. Новичкова, «суверенная демократия... в некоторой степени отображает на идеологическом уровне противоречие глобализации... По сути, мы видим попытку притормозить глобализацию «в отдельно взятой стране». В то же время, аргументы против роста национального суверенитета в настоящее время явно преобладают. Суверенитет становится неадекватным реальности политическим и правовым понятием¹.

На наш взгляд, подобная трактовка суверенной демократии является наиболее приемлемой. В то же время трудно согласиться с П. Новичковым, что «наряду с уменьшением суверенитета мы можем наблюдать возрастание роли государственных институтов, например, как гарантий социальных завоеваний»². Здесь уместнее всего будет привести суждение Н. Нарочницкой о том, что в эпоху глобализации «обывателю внушается псевдолиберальный идеал неспричастности к делам Отечества, а элите — иллюзия сопричастности к мировой олигархии. Такая нация не суверенна в выборе исторического пути, такая демократия — это охлократия — власть толпы, за спиной которой мировая олигархия»³.

Исходя из подобной постановки вопроса, Н. Нарочницкая считает, что суверенная демократия вовсе не спонтанно возникший конструкт или правительственный проект, ставящий целью оправдать отсутствие в России подлинно демократических учреждений, а ответ на известный тезис: «мы управляем вами,

так как это в ваших же лучших интересах, а те, кто отказывается это понимать, представляют собой зло, подлежащее искоренению»⁴.

Подведем некоторые предварительные итоги. По всей видимости, доктрина суверенной демократии является идеологической реакцией на правовой нигилизм в международных отношениях. Эта реакция имеет давнюю, даже по историческим меркам, уже 60-летнюю традицию. Всплыв первоначально в контексте китайско-тайваньского конфликта, она вновь обнаружила себя в начале 2000-х годов. Будучи примененной к такому полностью суверенному, но переживающему острый системный кризис, государству как Россия, она не могла не обнаружить проблемных мест. Первая часть определения, «суверенная», приобрела явно самодовлеющее значение, оттеснив на второй план понятие демократии.

С правовой точки зрения, концепция суверенной демократии не является строгой теорией, поскольку в своей основе содержит некоторые противоречия. Не менее проблематично отнести ее к разряду государственных доктрин, вроде пресловутой советской «народной демократии». Впрочем, сам автор концепции, В. Сурков, прекрасно осознает ее прикладной, рабочий характер, о чем свидетельствует следующее высказывание: «если мы увидим, что наш политический класс понял... что в его собственных интересах стремиться к максимальному удовлетворению потребностей людей... отпадет необходимость напоминать о суверенитете и власти народа»⁵.

¹ Новичков П.С. Суверенная демократия в контексте глобализации / Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы». Москва, 10-20 ноября 2009 г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. – С. 531.

² Новичков П.С. Указ. соч. – С. 532.

³ Нарочницкая Н. Пора ли России поделиться недрами с Западом. / СД. – С. 455.

⁴ Там же.

⁵ Романчева И. Сурков рассказал о плане Путина. <http://www.internet-school.ru/Enc.ashx?item=539655> - 03.12.09.